

Мир и человек в романе Б. К. Зайцева «Золотой узор».

Евстафьева Н.П. Світ та людина в романі Б.К. Зайцева «Золотий візерунок». Стаття присвячена розгляду світоглядних і естетичних принципів створення художнього світообразу в романі Б.К. Зайцева «Золотий візерунок». Розкриваються провідні авторські інтенції в зображенні світу і людини, які репрезентують неортодоксальну християнську свідомість письменника, та метод духовного реалізму, який він застосовує. Аналізуються структурно-поетичні компоненти, що виступають основними носіями смислу твору.

Ключові слова: духовний реалізм, християнська свідомість, покаєння, мотив, поетика візерунку.

Евстафьева Н.П. Мир и человек в романе Б. К. Зайцева «Золотой узор». Статья посвящена рассмотрению мировоззренческих и эстетических принципов создания художественного мирозобраза в романе Б. К. Зайцева

«Золотой узор». Раскрываются ведущие авторские интенции в изображении мира и человека, репрезентирующие неортодоксальное христианское сознание писателя и примененный им метод духовного реализма. Анализируются структурно-поэтические компоненты, выступающие основными носителями смысла произведения.

Ключевые слова: духовный реализм, христианское сознание, покаяние, мотив, поэтика узора.

Evstafyeva N.P. The world and the person in the novel «Gold pattern» by B.K. Zaytsev.

The article is devoted to the examination of ideological and aesthetical principles of creation the artistic world-image in the novel «Gold pattern» by B.K. Zaytsev. The main author's accents in the expression of the world and the person representing writer's Christian consciousness and his method of sacred realism are opened. The structural-poetical components being the main bearers of the work's sense are analyzed.

Key words: sacred realism, Christian consciousness, penance, motif, poetics of the pattern.

Изучение наследия русского зарубежья сопровождается открытием не только новых имен, но и целых литературных направлений. Тенденция к воцерковлению литературы, обнаруживаемая в творчестве Б. Зайцева и И. Шмелева, нашла выражение в художественном методе, названном духовным реализмом. Явление духовного реализма вызывает большой интерес исследователей, нацеливающих свой поиск как на осмысление присущего ряду

писателей православного миропонимания, так и на анализ художественных форм, в которых оно воплотилось. Убедительная концепция духовного реализма в творчестве Зайцева предложена А. М. Любомудровым [5], однако в его монографии роман «Золотой узор» отдельно не рассматривается. Между тем интерпретация этого произведения позволяет сделать ряд наблюдений, позволяющих более дифференцированно охарактеризовать основные принципы построения мирообраза в эмигрантском творчестве писателя.

Спустя сорок лет после завершения Зайцевым работы над «Золотым узором», на торжественном собрании, посвященном его 85-летию, Гайто Газданов обратился к юбиляру со словами: «Вы – наш старший современник, свидетель трагических событий, участниками которых были и мы. Вы, Борис Константинович, продолжали жить в вашем собственном мире, в котором было то, чего нам так не хватало, чего нам не было дано судьбой – понимания, созерцательного понимания вечных истин и веры в мудрость Того, в чьих руках судьба человечества...» [2 : 362]. Эти строки не только точно отражают духовный смысл влияния, оказанного личностью и творчеством Зайцева на молодое поколение представителей первой русской эмиграции, но и обнаруживают фундаментальные основы художественного сознания самого писателя. Идеиные и эстетические доминанты картины мира, созданной Зайцевым в эмиграции, отчетливо показывают, во-первых, присутствие в ней божественной инстанции как определяющего фактора бытия и, во-вторых, пристальное внимание автора к сложным психологическим процессам конкретного человека, обладающего богатыми чувствами и собственной волей.

Зайцев прошел своеобразный путь утверждения в творчестве христианской духовной составляющей. В начале этого пути мир представлялся писателю «многоглазым, многоротым» бесформенным существом, о чем свидетельствует большинство его дореволюционных рассказов («Миф» и др.). На смену раннему пантеизму пришло увлечение христианской метафизикой В. Соловьева (повесть «Голубая звезда»), и, наконец, в романе «Золотой узор»

Зайцев впервые создает образ мира, отвечающий идее божественной предопределенности.

Период его работы над «Золотым узором» датируется 1923-1925 годами, когда вся первая русская литературная эмиграция осознала необратимость своего изгнанничества. Эта ситуация активизировала память художников, их тоску по утраченной родине и создала качественно новые предпосылки к художественной саморефлексии. В результате были написаны набоковская «Машенька» (1926 г.), газдановский «Вечер у Клэр» (1929 г.), бунинская «Жизнь Арсеньева» (1933 г.). «Золотой узор» Зайцева оказывается первым романом в обозначенном ряду и имеет немало общего с названными произведениями. Это тоже роман-воспоминание, субъектом повествования в котором выступает персонаж, по типу сознания близкий автору. Своеобразие же привносится тем обстоятельством, что опыт духовной автобиографии писатель раскрывает в судьбе и духовных процессах женской личности.

Критики и литературоведы многократно указывали на лирическую природу художественной картины мира у Зайцева, явно выраженную в ее импрессионистичности, эклектичности и фрагментарности, традиционно связываемых со свойствами модернистского письма. Сюжетно-композиционная организация романного материала «Золотого узора» вполне отвечает такого рода наблюдениям. Однако анализ поэтики произведения показывает, что внешне модернистские формы повествования использованы писателем не для создания нового мифа о человеке, а ради решения оригинальной творческой задачи, подразумевающей как свойственное реализму раскрытие психологии героя на фоне широкого эпического полотна жизни, так и внерациональное осмысление телеологической предопределенности человеческой судьбы.

Пружиной сюжетного действия в «Золотом узоре» выступает интерес к радикальным переменам в мировосприятии главной героини романа. Проследивая ее путь, писатель противопоставляет мирского человека человеку духовному. Принципиально важно, что Зайцев не проводит четкой границы

между этапами духовного становления своей героини. Поэтика духовного реализма открыла ему возможности созидания организованного христианской вертикалью многомерного образа бытия, что повлекло за собой и новые принципы изображения человека.

В первой части романа объективируется и эпически подробно разворачивается мирская история судьбы Натальи. Она вспоминает свою юность, отца, подруг, сына, мужа, перипетии семейной жизни, артистическую карьеру, даже выезды за границу с любовником как единый поток жизненных ощущений молодой, красивой, талантливой женщины. Совершая немало греховных поступков, героиня не обнаруживает признаков душевных терзаний или подобных психологических состояний. Однако для духовной автобиографии Натальи (как и для восприятия ее личности другим сознанием) оказываются не столько важны ее поступки, сколько их неизбежность, поэтизируемая автором. Проводя героиню сквозь жизненные испытания, в которые вовлечено немало персонажей романа, писатель последовательно прочерчивает линии человеческих судеб, высвечивая в них не явленный обыденному сознанию «золотой узор» Божественного Промысла.

Воссоздавая христианскую ауру бытия, Зайцев широко использовал художественные средства мерцательной поэтики узора. Его акварельная словопись прозрачными красками ложится на плотное полотно жизни, пронизывая его светом духовного преображения. Писатель не только не был склонен к конструированию форм, размывающих жизнеподобные очертания реальности, но с гораздо большей соразмерностью, чем многие его современники – и неореалисты, и модернисты – стремился донести онтологическую сущность жизни в многосоставных образах, отвечающих картине обоженного мира.

Поступки бездумной молодости героини «Золотого узора», вызывающие прямые ассоциации с сюжетом новеллы И. Бунина «Легкое дыхание», в амбивалентном контексте зайцевского повествования интерпретируются двояко: как изобличение духовной неразвитости Натальи и как ее интуитивное

следование онтологическому закону, вовлекающему человека в космическое круговращение. Нравственно-психологическая оценка поведения «летающей» по жизни женщины принадлежит ее мужу: «Ты такая легкая, все вот... летишь, и тебе все равно, людей-то ты...ну, ты людей по легкости своей не замечаешь... Муж ли, сын ли» [3 : 87]. Она уместна и оправдана всей логикой сюжетного действия. Бунинская Оля Мещерская существует в условной реальности, исключаящей какие бы то ни было морально-этические оценки и психологическую мотивацию поведения персонажа.

Второй аспект авторского толкования поведения обеих героинь отчасти сближает зайцевскую и бунинскую концепции человека. Однако сущностно отличным от бунинского у Зайцева предстает сам образ бытия. Его божественный лик проступает в мягком умиротворяющем мерцании световых и цветовых переливов, создающих контрастный фон даже самым отчаянным состояниям героев (например, в эпизодах объяснения Натальи с мужем после её измены или поджога соседнего имения).

Подлинный смысл происходящего в «Золотом узоре» проясняется не событийной логикой сюжета, не развитием характеров героев, но и не роковой властью над ними универсальных законов космического бытия. Просветляющее сознание человека Божественное Провидение – вот основной предмет художественного осмысления у Зайцева. Ведущие авторские интенции реализуются в двух центральных мотивах – дороги и света. Они выступают главными носителями смысла и основными пространственно-временными конструктами текста. Благодаря ёмкой семантике и вариативности образа освященного пути все сюжетное действие романа заключается в кольцевую композицию. Начало повествования сопровождается описанием первых световых проблесков нового дня, финал воссоздает умиротворенную картину озаренного лучами закатного солнца пройденного пути.

Мерцательная поэтика узора прослеживается во всех пластах зайцевского повествования, изображающего путь героини как череду картин прошлого.

Эффект мерцания оказался эстетически наиболее приемлемым для тактичного воссоздания постепенного духовного движения Натальи к покаянию. В страданиях она осознает свою греховность, свою причастность к смерти, и приходит через покаяние к праведности. М.В. Ветрова справедливо утверждает, что кульминацией романа становится эпизод несения Натальей и ее мужем Маркелом креста на могилу их убитого большевиками сына: «Крест здесь понимается... согласно христианской традиции, как символ страдания и искупления» [1 : 97]. Кульминация же духовного преображения героини наступает в эпизоде чудесного спасения ее мужа. Положив у изголовья изнуренного болезнью Маркела иконку Николая Чудотворца – на свою десятую бессонную ночь около него – Наталья старанием души побеждает уже настигшую мужа, как кажется даже доктору, смерть: «Мозговое осложнение...и вдруг остановилось. Случай хоть для клиники» [3 : 193]. Приведенный фрагмент тем более значим, что Зайцев запечатлел в нем автобиографический факт собственного «воскресения», воссозданный им в автобиографической повести «Другая Вера» [4 : 395].

Финал «Золотого узора» свидетельствует, что оба героя романа – Наталья и Маркел – неразрывно объединяются в вере и праведности, хотя пути их в реальной жизни расходятся. Ключевое значение этой ситуации в том, что поступки верующего человека становятся естественным отражением нужд его духа. В своем духовном напутствии жене Маркел призывает Наталью: «Служить друг другу каждый тем даром, какой получил» [3 : 198]. Она – искусством, он – наукой. Таким образом, духовный реализм позволил Б.К. Зайцеву сделать существенные открытия в изображении мира и психологии человеческой личности. Его героиня обретает смысл существования в следовании воле Божьей не в ситуации трагического потрясения, а в ходе длительного, эмоционально насыщенного (она – певица), не отрицающего опыта мирской жизни становления. Писателю, как свидетельствует интерпретация романа «Золотой узор», был интересен не ортодоксальный идеал воцерковлённого христианина, а обуреваемый

страстями и муками обыкновенный человек, совершающий в конце концов свой свободный выбор благодаря терпеливой любви Создателя.

В «Золотом узоре» воплотилась идея личностной свободы, истолкованной автором как божественная сущность человека. Весь художественный строй романа отвечает утверждению одного из его героев: «Человек и хуже, но и лучше, чем о нем привыкли думать. Те, кто полагает, что разбивши некоторые цепи, он тотчас создаст жизнь праведную и прекрасную, столь же неправы, как и те, кто думает, что человек в основе своей зверь и может быть удержан только в клетке. А он причудливейшее создание. И лучше всего, если бы его поменьше опекали» [3 : 167]. Проникновение в глубины сознания и подсознания ищущей человеческой личности привело Зайцева и к своеобразному истолкованию судьбы России, возрождение которой он также связывал с покаянием и обретением подлинно христианской духовности.

Литература

1. Ветрова М. В. Проза Бориса Зайцева: наследие серебряного века и духовный реализм: дис... канд. филол. наук: 10.01.02 / М. В. Ветрова. – Симферополь, 2009. – 217 с.
2. Газданов Гайто. Собр. соч.: В 5т. – Т. 4. Романы. Выступления на радио «Свобода». Проза, неопубликованная при жизни / Гайто Газданов. – М.: Эллис Лак, 2009. – 736 с.
3. Зайцев Б. К. Собр. Соч.: В 5 т. – Т. 3 Звезда над Булонью: Романы. Повести. Рассказы. Книга странствий / Б. К. Зайцев. – М.: Русская книга, 1999. – 576 с.
4. Зайцев Б. К. Собр. Соч.: В 5 т. – Т. 6 (доп.) Мои современники: Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – М.: Русская книга, 1999. – 555 с.
5. Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев / А. М. Любомудров. – Спб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 272 с.